

И.А. ИЛЬИН

ПОЧЕМУ СОКРУШИЛСЯ В РОССИИ МОНАРХИЧЕСКИЙ СТРОЙ?*

I

Прошло 35 лет с тех пор, как в России — так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно — сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени; никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угадали все священные обязательства монархии — и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было немало; но воля была у них как бы в параличе, и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра, длящаяся и до сего дня; и конца ей еще не видно.

И вот, за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо — скажем это открыто и недвусмысленно — крушение монархии было крушением России: отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не «российская республика», как о том мечтала революционная полунинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа; а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным — болезное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

*Текст шести статей с одинаковым названием приводится по: *Ильин И.А.* Наши задачи. Статьи 1848—1854 гг. Париж, 1956. С. 419-430. Отклонения от оригинала связаны исключительно с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка. *Примеч. ред.*

В 1917 году русский народ впал в состояние черни: а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами. В этом году, который шестнадцатилетний Лермонтов почти за 100 лет перед тем пророчески обозначил как «России черный год», русский народ развязался, рассыпался, перестал служить великому интернациональному делу — и проснулся под владычеством интернационалистов. История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможно или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия — или религиозного и национально укрепленного, единовластия чести, верности и служения, т.е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т.е. тирании.

И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к дореволюционному времени, когда Россия, оставаясь Россией, органически и в то же время стихийно росла и цвела, мы не можем не спросить себя, как же это тогда — и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе — как же это тогда люди не видели, что крушение монархии будет крушением самой России? Как не видели они той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и сохранить религиозно освященную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало — политического предвидения и разума, или верности, или дисциплины, или терпения?

Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы отрекся, то обеспечил бы сначала законное престолонаследие и не отдал бы народ в подчинение тому государственно-беспомощному и заранее «обойденному слева» пустому месту, которое называлось Временным Правительством. И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало; и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было; и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца ... Из него и образовались белые армии.

Чего же не хватало в России? Почему тысячелетняя форма государственного спасения и национально-политического самоутверждения могла исчезнуть с такой катастрофической легкостью от первого же порыва народного, уличного и солдатского бунта?

Ответим: России не хватало крепкого и верного монархического правосознания. Правосознания — не в смысле «рассуждения» только и «понимания» только; но в том глубоком и целостном значении, о котором теперь должна была быть наша главная застенности, правосознания — действенной воли, правосознания — дисциплины, правосознания — характера, правосознания — религиозной веры.

Монархическое правосознание было поколеблено по всей России. Оно было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества, и даже русского генералитета — анархидемократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждающимися и распространяющимися мировой закулисою с самой французской революции. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента — тягу к анархии и к самочинному устройению... Вследствие этого оно, по-видимому, поколебало и властную уверенность в самой царствующей Династии.

II

Начнем с народной массы. На протяжении всей русской истории русское просто-народье никогда не теряло склонности — противопоставить обременительному закону свой собственный, незаконный или противозаконный почин. «До Бога высоко, до Царя далеко»; надо управляться самим; надо разрешать себе больше, чем разрешает власть; надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменять свою участь». Терпению есть предел. Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна.

Надо бежать в даль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать не покладая рук.

Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир легло»... И уходили «на волю», в степи, в леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без оседлости, без органической хозяйственности, но тем не менее кормящихся. Вот откуда эти «удалые добрые молодцы», с атаманами в бархатных кафтанах и с закопанными богатствами; о них слагались легенды и пелись песни, даже и доселе, ныне уже и по всему свету (песня о Разине, песня о Кудеяре...). И не было в старину твердой разницы между разбойниками и казаками; эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приооретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых добрых молодцев» и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство, и в силу веры и совести возвращалась к монархической верности.

Именно так думали про себя и чувствовали русские народные массы: порядок от Царя: спасать и строить Русь может только царская власть. «Горе тому царству, коим владеют многие», «лучше грозный царь, чем семибоярщина» Но анархия, развязание, разнуздание, посягание и погром создают более выгодную возможность. Отсюда эти бунты с разбойниками или самозванными возглавителями. От времени до времени поднимался всенародный бунт (Смута, Разинщина, Пугачевщина, Ленинщина), когда находился Григорий или Степан, или Емельян, или Ильич («Пугачев с университетским образованием»), которые разрешали или прямо предписывали анархию посяганий и погромов. И разинские воззвания «иду истребить всякое чиновачалие и власть, и сделать так, чтобы всяк всякому был равен»; и пугачевские прокламации, и ленинское «грабь награбленное» — явления одного смысла и порядка. Приходила власть, призывавшая к бунту и грабежу; некий «царь» или подданный самозванный, мнимый «лже-царь» узаконивал анархию и имущественный передел — и правосознание русского народа, подаваясь смуте, «кривизне» и «воровству», справляло праздник безвластия, мести и самообогащения. Дурные силы брали верх, а русская история переживала великий провал.

Вот это и случилось в России в 1917 году. Грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к Трону. Крестьянская деревня переживала эпоху аграрного перенаселения и великой реформы Столыпина. Вопрос земельного приращения стал источником всекрестьянской напряженной тревоги. И вдруг отречение двух Государей от Престола угасило присягу, и верность, и всяческое правосознание, а левые партии — призывающий к грабежу Ленин, рассылающий двусмысленно-погромные циркуляры министр Виктор Чернов; открыто исповедующий и практикующий государственное непотворение министр Александр Керенский, и все их агитаторы, рассеянные по всей стране, — понесли развязанному солдату, матросу, крестьянину право на беспорядок, право на самовластие, право на дезертирство, право на захват чужого имущества, все те бесправные, разрушительные, мнимые права, о которых русский простолюдин всегда мечтал в своем анархистски-бунтарском инстинкте и которые теперь давались ему сверху. Соблазн бесчестия и вседозволенности стал слишком велик, и катастрофа сделалась неизбежной.

Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии.

Напрасно было бы сомневаться в том, что русское правосознание действительно имело свой монархический лик, которым и держалось русское государство. Желая убедиться в этом пусть обратится хотя бы к тому богатству государственной мудрости и монархического чувства, которые накоплены в русских простонародных поговорках и пословицах (см. у Даля, Снегирева, Иллюстрова, Максимова и других) и притом за века. Припомним кое-что из этого богатства, с лишком 100 лет обессиливавшего пропаганду «народовольцев», «чернопередельцев» и других разрушителей России.

«Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится.» «Что Бог на Небе, то Царь на Земле.» «Без Царя земля вдова.» «Без Царя народ сирота.» «Богом да Царем Русь крепка.» «Сердце царево в руке Божией.» «Одному Богу Государь ответ держит.» «Царские глаза далеко видят.» «Близ Царя — близ чести и смерти.» «При Солнце тепло, а при Государе

добро.» «Ни солнышку на всех не угреть, ни Царю на всех не угодить.» «Царь добр, да слуги злы.» «Царские милости в боярское решето сеются.» «Не от Царя угнетение, а от любимцев царских.» «Воля Царя — закон.» «Где Царь, тут и правда.» «Нет больше милосердия, как в сердце царевом.» «У Царя колокол по всей России.» «Благо царей — в правде судей.» «Народ думает, а Царь ведает.» «Царь да нищий — без товарищей.» «В слепом царстве кривой Царь.» «Царский глаз далече сигаёт.»...

Не довольно ли? Уже слышен нам тысячелетний государственный опыт русского народа, умевшего верить своим Царям, чтить их, любить их и служить им верой и правдою. Но государи отреклись от Трона и в народном[сердце угасла присяга. Лик народной верности, ответственности и грозного служения отвернулся, и вперед выступила харя предателя, преступника и озлобленного раба. От монархии к анархии, от анархии к порабощению антихристом, на долгие годы смуты и тирании.

Таков был соблазн русского простонародья.

III

Перейдем теперь к рассмотрению русского интеллигентского правосознания

Говоря о русской интеллигенции, следует иметь в виду не просто «верхний» общественный строй, как сравнительно более образованный (в старину — боярство и служивое сословие), но тот кадр, который так или иначе приобщился академии и академическому образованию. История этого кадра начинается в России в сущности говоря с Ломоносова и с Московского Университета. Социальные верхи старого времени, конечно, имели своих монархически-лояльных и монархически-нелояльных представителей; но прежняя нелояльность сводилась к тому, что бояре и особенно «княжата», не забывшие своего удельного княжения и достоинства, «подыскивались на царство». Это было не республиканство, а особого рода «монархизм в свою пользу», к которому так остро подозрительно относился Иоанн Грозный и который впоследствии дал наиболее показательный и отрицательный плод в лице князя Василия Шуйского, боярина, достаточно «умного» для любой интриги, но совершенно лишённого «дара государить».

Та русская интеллигенция, которую мы имели в виду, медленно созревала при императрицах Елизавете и Екатерине Второй; ее заграничными «профессорами» были энциклопедисты, Вольтер и Руссо, ее практической школой была первая французская революция; ее политическими выступлениями были предательское убийство Императора Павла и заговор Декабристов. Этим определялось ее направление; в этом сложилась ее традиция; и от этой политической традиции она и поныне не освободилась до конца. Это направление было революционно-республиканское, со своей стороны подготовленное революционно-монархической традицией XVIII века (дворянские перевороты 1730, 1740, 1741 и 1762 годов). Однако традиция XVIII века («революционно» возвести на трон новую царицу) получила новое направление: Руссо с Вольтером и Робеспьер с Дантоном убедили русских интеллигентов того времени, что республика означает «свободу» и что поэтому она выше монархии...

Отсюда эта беспочвенная мечта строить Россию без Царя во главе. Первым осуществлением этой мечты должно было стать освобождение крестьянства без земли, как это проектировали декабристы; оно неминуемо пролетаризировало бы и ожесточило бы всероссийское крестьянство и возобновило бы разинщину и пугачевщину в невиданных еще размерах. Император Николай I удержал Россию на краю гибели и спас от нового «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные им реформы Императора Александра II. Пушкин осуществил эту необходимую эволюцию огосударствления русского правосознания — первый, в самом себе, и для себя, и для других. Через десять лет после его смерти ту же эволюцию пережил Достоевский, увидевший на каторге дно всероссийского простонародья, отвернувшийся от республиканства и социализма и отчетливо показавший русскому народу — и его верный национально-монархический лик (в «Дневнике Писателя»), и его внерелигиозные соблазны и опасности, и его анархо-криминальную рожу («Бесы»).

Постепенно сложилась и окрепла монархически-лояльная русская интеллигенция, окружившая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы. Но именно эти реформы, столь блестящие доказавшие творческие силы верно окруженного Государя, — ожесточили не передумавших республиканцев и революционеров и побудили их во что бы то ни стало искать путей к западному подражанию. «Западники» были лояльным аванпостом этого течения; народовольцы и им подобные организации пошли в открытую на террор; Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром. Последовал целый ряд покушений на драгоценную жизнь Царя-Освободителя: выстрелами, подкопом дворца, взрывом поезда и, наконец, бомбами. Напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность, — все это было нестерпимо для революционеров-республиканцев-социалистов из подпольных кругов, им надо было вбить клин недоверия, страха и компрометирования между Царем и народом. Реформа в их глазах пресекала и обессиливала революцию. Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него: эти перемены не должны были привлекать сердца народа к Царю, ибо это тормозило в глазах одной части революционеров — революционную публику, в глазах другой части — анархию черного передела. Все это было движением революционного максимализма, который впоследствии, на переломе XX века, развернулся в виде большевизма.

IV

Было бы несправедливо и исторически неверно смешивать воедино таких умеренных «западников», как Грановский и Тургенев, с неумеренными западниками наподобие Герцена, было бы еще несправедливее объявлять Герцена «ранним большевиком». Но идейно и духовно водораздел шел именно здесь. Верить ли в спасительность монархии для России? Строить ли Россию, верно помогая ее Государям, через них и от их лица?

Или же считать монархию главным препятствием русского прогресса и требовать для России «последовательного и полного народоправства», т.е. учредительного собрания, выборов по четырехчленной формуле, республики, федерации и т.д. И этот водораздел был с особой ясностью и совершенно недвусмысленно сформулирован одним из виднейших политических идеологов «февраля» Ф.Ф. Кокоскиным, противопоставившим «старую ненавистную монархию» той республике, которая «бесспорно в наших глазах не может не быть наилучшей формой правления» («Республика», с. 12—13). Такова была затаенная мысль конституционно-демократической партии: монархический строй, даже и парламентский, был для «ка-детов» с самого начала «ничем иным, как компромиссом» [Там же, с. 7], и Ф.Ф. Кокоскин признает даже, что они «стояли на почве социалистического мировоззрения» [Там же, с. 6].

Все это вместе взятое и определяет собою тот водораздел, о котором мы упомянули выше. Искренно-лояльной монархической интеллигенции, которая за последние годы перед революцией группировалась вокруг Столыпина и его аграрной реформы и о которой заграничные наблюдатели этой реформы (например, берлинский знаток профессор Зеринг) давали такой блестящий отзыв, противостояла тайно-нелояльная интеллигенция, для которой республика была «бесспорно наилучшей формой правления». Монархия была для них временно необходимым средством, тактически приемлемой переходной ступенью. Они как будто только и ждали того, чтобы пробил час ее исчезновения или свержения. И вот, дождались... Но они, конечно, не только и не просто «ждали», а делали все возможное, чтобы политически изолировать Царя и его верных помощников и скомпрометировать все их строительство. Вот откуда категорический отказ кадетских лидеров от переговоров о вступлении в состав царского министерства; вот откуда их борьба против Столыпина и его реформы; вот откуда клеветническая речь Милюкова в ноябре 1916 года («глупость или предательство»). Вот почему в отречении Государя они увидели не всероссийскую катастрофу, а час «освобождения» России от «ненавистного режима», час перехода к «наилучшей форме правления»!..

Замечательно, что это русское предреволюционное республиканство схватывало не только весь левый сектор «общественности», но и часть правого. Русская радикальная интеллигенция вряд ли смогла бы назвать в своих рядах какого-нибудь монархиста; разве только Илью Фундаминского, но уже в эпоху эмиграции... И как же он шокировал своими настроениями и речами весь остальной левый сектор эмиграции, ставившей себе в особую заслугу топтание «на старых позициях». Что же касается предреволюционного времени, то можно уверенно сказать: левее конституционно-демократической партии вся русская интеллигенция, а особенно полунинтеллигенция, считала монархию

"отжившей" формой правления. И если бы кто-нибудь захотел от нас доказательств, то нам было бы достаточно указать на так называемые «юмористические журналы» 1905—1906 годов; они все были полны стихами, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими царевубийство или прямо призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, но в дерзко-прозрачных намеках!). Журналистики эти брались публично нарасхват и комментировались на всех перекрестках. Был один враг: Государь и Династия, и этот враг должен был быть скомпрометирован, лишен доверия и уважения и поставлен под угрозу изгнания и убийства.

Спросим же: почему вся эта политически неопытная, близорукая и полуобразованная толпа — республиканствовала? Почему? Где и в чем они видели республиканские способности и добродетели русского народа? О чем они думали? На что надеялись? Ответ может быть только один: «на западе республика возможна и устроюща, почему же у нас она была бы невозможна? республика есть (по слову Ф.Ф. Кокошкина) наилучший способ правления; к тому же, он нас сразу же и усовершенствует»... Нам нет надобности отвечать на этот ребячий лепет, история уже дала на него ответ и притом страшный ответ.

Одинаково и правее «кадетов» имелись республиканские фигуры вроде А.И. Гучкова, своевременно вослевшего младотурецкий переворот и считавшего себя призванным провести нечто подобное и в России. Это, конечно, не было случайностью: издание пресловутого «Приказа N 1» по армии, вышедшего в бытность его военным министром Временного Правительства и им никак и нигде не отмененного и не дезавуированного; не была случайностью и его поездка в ставку для принятия отречения из рук Государя.

Психологически можно понять, что последние назначения министров многим не казались убедительными, и что влияние известной зловещей фигуры, вращавшейся в сферах, могло многих и тревожить, и возмущать. Но фигура эта уже исчезла, а вместе с нею и опасность ею обусловленная. А идея о том, что Императорский Трон ничем не заменим в России, что Государю невозможно отречься и что нужно помогать ему до конца, и не покидать его с самого начала — была многим, по-видимому, чужда.

Вот, что мы можем установить по вопросу о политическом правосознании русской интеллигенции предреволюционного времени. Она промотала, проболтала, продешевила свою верность монархической России: она не сберегла, а опошшила своё правосознание. И с ребячьим легкомыслием воображала и себя, и русское простонародье республикански созревшим народом.

Трагедию же изолированного Царя она совершенно не могла постигнуть и осмыслить, как трагедию гибнущей России.

Итак, монархия в России сокрушилась — так неожиданно, так быстро, так трагически беспомощно — потому, что настоящего, крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя, бесплочными, рассеянными, бессильными, а бутафорский «многомиллионный Союз Русского Народа», в стойкости которого крайне-правые вожаки ложно уверяли Государя, оказался существующим лишь на бумаге.

Все это не могло не отразиться на самочувствии Государя и правящей Династии. Близился грозный час, когда Государь мог почувствовать себя изолированным, преданным и бессильным, когда могла понадобиться борьба за Трон, а сил для этой борьбы могло не оказаться. И час этот пробил.

Это не есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет, и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить историческую правду. Царствующая русская Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него, а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, это оставление Престола имело свои психологические и нравственные основания. Ему предшествовало длительное и притом агрессивно оформленное давление революционного террора, то поддерживаемого, то прикрываемого республикански настроенной частью интеллигенции. Покушения на благостного реформатора Александра И, закончившиеся злодейским убийством его, могли сами по себе поколебать в Династии веру в ее миссию и доверие ее к русской интеллигенции. Убийение Великого князя Сергея Александровича и прямые угрозы цареубийством в нелегальной и даже легальной («юмористической») прессе — должны были обновить это ощущение. Упорное противодействие левых Думе; «Выборгское воззвание» и убийство П.А. Столыпина в присутствии Государя — все это говорило — языком недоверия к Престолу, языком ненависти и угрозы. А между тем, никакого отпора этим угрозам, никакой бескорыстно-монархической мобилизации общественности, никакого искреннего, организованного порыва к Престолу в стране не наблюдалось. Русский народный монархизм оставался пассивным и не давал Династии живого ощущения — доверия, любви, поддержки, весомости и единения. При таком положении дел воля Государя могла почувствовать себя изолированной, одинокой, бессильной или даже, как внушали генералы главного командования — прямой помехой в деле национального единения и спасения.

Помимо этого, в первом отречении от Престола и во втором отказе немедленно принять власть — было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько нравственного бескорыстия, скромности в учете своих личных сил и христианского приятия своей трагической судьбы («день Иова многострадального» был днем рождения Государя, о чем сам Государь часто вспоминал), что язык не повертывается сказать слово суда или упрека. И тем не менее, историческая правда должна быть выговорена — во имя будущего.

В своем замечательном исследовании, легитимно-обоснованном и лаконически-точном («Императорский Всероссийский Престол». Париж, 1922 г.), сенатор Корево ставит вопрос о том, имел ли Государь Император Николай II право отречься от трона, и дает такой ответ: «в российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается. Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола» и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение. «С религиозной же точки зрения отречение Монарха Помазанника Божия — является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания» (с. 26—38—42).

Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому князю Михаилу Александровичу, «не удостоверясь в его на то согласии» (с. 41), т.е. не обеспечив в трудный час истории непрерывность престолонаследия.

Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отвергает совершенно; он считает главным и основным условием законности отречения, чтобы «за сим не предстояло никакого затруднения в дальнейшем наследии Престола», а отречение за наследника не могло не создать таких затруднений (с. 29—30). Корево признает, что Великий Князь Михаил Александрович вступил на престол в час отречения Государя, что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия верховной, власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие «волею великого народа», имеющего высказаться в учредительном Собрании. И вот, Корево прав, когда характеризует все это, как «полное нарушение Основных Законов»; и в объяснение такого нарушения он ссылается на «революционное насилие и измену» (с. 125—142).

VI

В действительности дело обстояло так, что и Государь, и Великий Князь отреклись не просто от «права» на престол, но от своей, религиозно освещенной, монархической

и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасти свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии — Николаю Второму и Михаилу Второму — никто из их окружения (военного или штатского) не сказал в виду верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства — нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследовании. Объяснить отсутствие такого совета изменою, утомлением, растерянностью людей можно. Но этих объяснений мало: в глубине событий, за всем этим скрывается и открывается отсутствие крепкого и верного монархического правосознания — в высших кругах армии и бюрократии. Если была измена, то Государь был вправе уволить изменников и призвать верных, и дальнейшая гражданская война показала, что такие верные имелись и что они пошли бы на все. Но те, кто советовал Государю и Михаилу Александровичу отречься, должны были знать и понимать, что они действуют уже не как монархисты, а как республиканцы.

И вот состоялось личное решение Государя: он отрекся за себя и за наследника. Быть членом династии значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасти и вести свой народ, и для этого приводить его к чувству ответственности, чувству ранга, к законному повиновению. Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью. Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично-правовых обязанностей одностороннее отречение самого обязанного невозможно, именно эта аксиома и признана в российских основных законах. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. Вспомним Петра Великого в часы стрелецких бунтов или в то время, когда «внезапно Карл поворотил и перенес войну на Украину», или во время прутского сидения и несчастья. Вспомним Императора Николая I, шествующего по улицам Петербурга навстречу восставшим декабристам... Отрекся ли бы от власти Царь Алексей Михайлович во время разинского восстания? Отрекся ли бы Петр Великий, уступая бунту стрельцов? Императрица Екатерина во время пугачевского восстания? Император Александр III при каких бы то ни было обстоятельствах?..

Но за последние десятилетия уверенное и властное самочувствие российской правящей Династии как будто бы поколебалось. Быть может, революционный напор ослабил у нее веру в свое призвание, поколебал в ней волю к власти и веру в силу царского звания, как будто ослабело чувство, что Престол обязывает, что Престол и верность ему суть начала национально-спасительные и что каждый член Династии может стать однажды органом этого спасения и должен готовить себя к этому судьбоносному часу, спасая свою жизнь не из робости, а из уверенности, что законное преемство Трона должно быть во что бы то ни стало обеспечено.

Вот откуда это историческое событие: Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти и отошла от Престола, и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротивления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызвать гражданской войны, которую пришлось вести одному народу без Царя и не за Царя...

Когда созерцаешь эту живую трагедию нашей династии, то сердце останавливается и говорить о ней становится трудно. Только молча, про себя, вспоминаешь слова Писания: «Яко овча на заклание ведется и яко агнец непорочен прямо стригушего его безгласен...».

Все это не есть осуждение и не обвинение, но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды. Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей. В открытую дверь хлынул поток океаннейшего в истории напористого соблазна и те, которые вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы то ни стало. Они готовы были проиграть великую войну, править террором.

ограбить всех и истребить правящую Династию, не за какую-нибудь «вину», а для того, чтобы погасить в стране окончательно всякое монархическое правосознание.

Грядущая история покажет, удалось им это или нет.

А на нас, на поколении русских людей, скорбью и мукой переживших эту революцию, лежит обязанность спросить себя, в чем же состоит сущность здорового, крепкого и глубокого монархического правосознания и как нам возродить его в России.

Публикация В.А. ГУСЕВА